

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

С. С. Савоскул

Н. К. РЕРИХ И ЛЕГЕНДА О БЕЛОВОДЬЕ

В 1929 г. в одном из выступлений о своей недавно закончившейся многолетней экспедиции по Центральной Азии Н. К- Рерих говорил: «Когда мы не так давно проходили через алтайские высоты, нам показывали пути и потаенные, ведомые лишь избранным тропинки к священным местам, именуемым Беловодьем» \

На Алтае художник услышал легенду, память о которой не потускнела после ярких впечатлений и многих, часто опасных приключений, ждавших путешественника и его спутников в Монголии, Тибете, Гималаях. Эта легенда и сейчас поражает многих, кто с ней знакомится, верой в существование вольной и счастливой мужицкой страны. Вдохновленные этой верой большие группы русских крестьян, иной раз по несколько сот человек, в течение всего XIX в. много раз отправлялись из алтайских деревень на поиски легендарной страны.

Русская социально-утопическая легенда о Беловодье входит в круг многочисленных рассказов о далеких счастливых землях, издавна распространенных у многих народов. В феодальной России популярности таких легенд способствовало постоянное наличие резервных пространств на окраинах, до известной степени ослаблявшее социальные конфликты в центре страны. Несомненно, что движение на «вольные» земли должно было рождать как среди самих переселенцев, так и среди крестьян, остававшихся на месте, массу рассказов и легенд, возбуждавших надежду на избавление от феодального гнета и создание своего мужицкого царства, где не будет помещиков и царской власти, где царят справедливость и правда.

К. В. Чистов, автор интереснейших исследований о русских социально-утопических легендах², убедительно показал, что реальным прототипом Беловодья была независимая община беглых крестьян, заводских рабочих, солдат, поселившихся во второй половине XVIII в. в алтайских горах, в долине р. Бухтармы к югу от оборонительной линии, прикрывавшей Колывано-Воскресенские заводы от набегов кочевников. Очевидно, довольно скоро слух о беглецах, ушедших из-под власти государства и заводской администрации и живущих вольной жизнью, дошел до крестьян вначале ближних, а потом и более отдаленных губерний. Видимо, именно в эту пору стала формироваться легенда, в которой под Беловодьем имелись в виду Бухтарминская и ближайшие к ней алтайские долины. Однако это представление жило недолго. Трехлетний неурожай в конце 1780-х годов, столкновения с кочевниками и другие трудности заставили бухтарминцев обратиться к правительству с просьбой принять их в состав государства. В 1791 г. на сравнительно льгот-

¹ Фосдик З. Г. На Алтай с Рерихами.— Рериховские чтения. 1976 год. К 50-летию исследований Н. К- Рериха на Алтае. Новосибирск, 1976, с. 88.

² Чистов К. В. Легенда о Беловодье.— Тр. Карельского филиала АН СССР, т. 35. Петрозаводск, 1962, с. 116—181; *его же*. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв. М.: Наука, 1967. Дальнейшее изложение беловодской легенды и ее истории приводится в статье без ссылок на эти работы.

ных условиях они вошли в состав России. Но местная администрация чем дальше, тем меньше считалась с привилегиями, дарованными бухтарминцам Екатериной II, пока, наконец, в 1878 г. не ликвидировала их совсем. Бухтарминцы отвечали на нарушения их традиционных прав иногда открытым сопротивлением или неподчинением, но чаще побегами в хорошо знакомые им горы и беспрестанными поисками Беловодья. С включением Бухтарминской долины в состав Российского государства местонахождение легендарной страны в сознании крестьян, естественно, переместилось в более отдаленные места.

Основные мотивы легенды о Беловодье, сложившейся к началу прошлого столетия, проступают уже в первом сообщении правительству о легендарной стране, сделанном в 1807 г. В этот год в Москву явился крестьянин Дементий Бобылев, приписанный к Кольвано-Воскресенским заводам, и передал в Министерство внутренних дел следующее донесение: «Я находился на море Беловодье. Живут русские старообрядцы, имеют епископов и священников и церкви по старому закону... А бежали оне от царя Алексея Михайловича и Никона патриарха во время разорения Соловецкого монастыря, тогда в Соловецком монастыре всех старцев замучили за веру... и много разбежалось по лесам и по странам и еще на море Беловодье бежали». Беловодцы, по его словам, «сами по себе живут, никому дани не платят». Население Беловодья сказочно большое — «там сот до пяти тысяч или боле»³.

Наиболее полное представление об этой легендарной стране дают «Путешественники» — тайные листки, призывавшие идти в Беловодье. Во всех списках «Путешественника» говорится, что автор его, некий Марк (иногда Михаил) из Топозерской обители (в Олоненкой губернии), сам побывал в Беловодье. А Беловодье это находится на 70 больших островах в океане, около Японии или, быть может, в самом «Опоньском государстве». Жители обетованной страны живут независимо и «в землю свою никого не пускают». Беловодье, судя по «Путешественнику», представляется союзом мелких равных производителей, без какой-либо власти над ними. Единственное, что они признают, — это «духовные власти». Последние же мыслились во вполне идеализированных и демократических формах («и все служат они босы»), очевидно, близких к идеалам первых христиан. В Беловодье нет «татьбы и воровства», не знают там ни войн, ни, следовательно, армии и солдатчины. Природа таинственной страны щедро награждает земледельца, там «родится виноград и сорочинское пшено»⁴. Помимо всего ^е жители сказочно богаты: «У них злата и серебра несть числа, драгоценного камня и бисера драгого весьма много».

Описание Беловодья в «Путешественнике» возбуждало желание туда попасть. И тем, кто стремился его найти, давался своеобразный путеводитель. В первой его части указывался путь по России, приводящий во всех без исключения списках в деревню Уймон (нынешний Верхний Уймон), забравшуюся в самое сердце Алтайских гор. Во второй описывался дальнейший путь в сторону чудесной земли на 70 островах.

С первой частью маршрута «путеводитель» худо-бедно справлялся. Худо-бедно потому, что во всех списках «Путешественника», за исключением одного, составленного в Сибири, путаница географических названий начинается уже после Екатеринбурга. Здесь и «Выбернум деревня» (очевидно, Барнаул; в другой редакции — Кабарнаул) и «Избенск» (видимо, Бийск). А название конечного пункта в отдельных редакциях совершенно неузнаваемо — Умоменска, Оймайска, Устьменска, Димонска, Дамаская.

Что это — незнание или конспирация? Последнее, на мой взгляд, не исключено. Ведь и сама легенда, и связанные с ней листки — плод тайной религиозно-общественной мужицкой организации — секты «бегу-

³ Клибанов А. И. Народная социальная УТОПИЯ В РОССИИ. Период феодализма. М.: Наука, 1977, с. 220—221.

⁴ Сорочинское (сарацинское) пшено — рис.

нов», или «странников», крайне левого ответвления старообрядчества. Но все же скорее всего здесь незнание. Почти все списки «Путешественника» происходят из центральных и северных губерний Европейской России, из среды, весьма отдаленной от Алтая, — отсюда и возможность искажений. Не случайно единственный известный список «Путешественника» из Сибири отличается абсолютной точностью первой части маршрута.

Вторая часть маршрута во всех «русских» списках — сплошная загадка. А в сибирском списке дается самое общее описание пути и не приводится ни одного географического названия. Больше того, создается впечатление, что Беловодье находится вовсе не на островах, как во всех других списках «Путешественника», а за какими-то высокими горами. Правда, и здесь оно отделено от остального мира морем. Где-то в середине пути «двенадцать суток ходу морем и три дня голодной степью». Вообще, как мне кажется, сибирский «Путешественник» в наибольшей мере учел реальный опыт поисков Беловодья алтайскими крестьянами. На это обстоятельство еще никто из исследовавших беловодскую легенду не обращал внимания, а оно, на мой взгляд, позволяет несколько по-иному взглянуть на историю легенды, в частности на роль «Путешественника» в крестьянских поисках счастливой страны.

Основываясь на выявленных к настоящему времени фактах, можно предположить, что «Путешественник» был рассчитан в первую очередь на агитацию не столько на Алтае, сколько в более отдаленных местностях Сибири и Европейской России. Русское же крестьянство Алтая, особенно Бухтарминской и Уймонской долин, само являлось постоянным возбудителем слухов о Беловодье и из его среды вышло наибольшее число искателей этой страны. Недаром в ряде списков «Путешественника» говорится, что в Уймоне найдутся люди, которые помогут укрыться и покажут дорогу дальше. Как уже отмечалось, наибольшее число списков «Путешественника» обнаружено в Европейской России, а не в Сибири. Все это, как мне кажется, позволяет предположить, что эти листки были сравнительно мало известны на Алтае, а значит, среди искателей Беловодья могли сложиться иные, нежели в «Путешественнике», представления о Беловодье и его местонахождении. Запомним этот вывод, он пригодится нам при рассмотрении представлений Н. К. Рериха об интересующей нас легенде.

Поиски Беловодья — одна из драматических и в то же время поистине поэтических страниц истории русского крестьянства. Стремление попасть в вольные края было так велико, что ни возраст, ни иные обстоятельства не сдерживали беглецов. В 1826 г. в одной из семей, ушедших вместе с другими на поиски обетованной земли, в дороге родился ребенок, а одному из путников было 72 года. Убегали, почти в прямом смысле слова сжигая за собой все мосты. В 1828 г. на поиски Беловодья ушла группа бухтарминских крестьян. Посланный вслед казачий отряд не успел их догнать. На глазах у казаков беглецы переправились через р. Чую, приток Катуня и уничтожили все лодки. А потом, проходя по горам, разломали мостки через провалы⁵.

Все партии искателей Беловодья направлялись самыми различными маршрутами на восток или юго-восток. Здесь в горах и пустынях после долгих блужданий обычно иссякали силы искателей счастливой страны и оставшиеся в живых возвращались домой. Однако неудачи не охлаждали веры в Беловодье, и многие из беглецов при благоприятных обстоятельствах вновь отправлялись в поход. Некоторые из бухтарминцев и уймонцев вновь и вновь уходили из своих деревень, каждый раз надеясь найти желанные вольные края. Очередную неудачу объясняли тем, что неправильно взяли направление, или тем, что слишком рано повернули назад.

⁵ Шмурло Е. Русские поселения за южным Алтайским хребтом на китайской границе. — Зап. Зап.-Сибирск. отд. РГО, кн. XXV. Омск, 1898, с. 18.

К началу XX столетия поиски Беловодья прекратились. Большие социально-экономические и политические перемены, охватившие страну, привели к значительным сдвигам и в сознании крестьянства. Но память о легендарной стране и ее поисках долго еще жила на Алтае. И даже в 20-е годы было много стариков, свято веривших в существование Беловодья. Но люди помоложе, многие из которых участвовали в первой мировой и гражданской войнах, в основном уже разуверились в Беловодье и к рассказам о нем относились иронически. Перевод от веры к неверию ошутимо передают воспоминания стариков, записанные мной в 1979 и 1982 гг. в Верхнем Уймоне и окрестных деревнях.

«Двое-трое соберутся, плохо, мол, живем, надо на Беловодье ехать,— вспоминает разговоры, слышанные в молодые годы, 96-летний житель Мульты, что неподалеку от Верхнего Уймона, И. Г. Горохов.— А где оно, не знаю. Шутили — реки молока там, на кустах коралички⁶ растут».

Примерно так же относился к рассказам о Беловодье 73-летний К. В. Железнов: «Там все готовое, молоко течет, речки молочные, коров держать не надо. Трое—пятеро соберутся, один другому наврет и поедут летом искать — на Аргут, в Казахстан⁷, до самого Китая».

По его словам, чаще других ездили на эти поиски верхнеуймонцы. Старики припоминают, что большим любителем таких поездок был Кирилла, по прозвищу Гагара. Рыбные места, правда, находил, но рыба и здесь была.

В иных воспоминаниях гораздо яснее ощущается вера в существование Беловодья. Отчетливо видна она в рассказах Ф. С. Бочкаревой (в девичестве Атамановой). Она неоднократно слышала разговоры об этой стране своего отца С. К. Атаманова с односельчанином В. О. Атамановым. В доме последнего, кстати, по приезду в Верхний Уймон оставалась семья Рерихов. От него путешественники больше всего слышали рассказов о Беловодье. «Оба Атамановы,— вспоминает Ф. С. Бочкарева,— говорили, что надо, мол, искать его, что там горячие целебные воды (В. О. Атаманов был лекарем-самоучкой.— С. С.). Да не дается оно всем, Беловодье. Недостойный, несправедный душой не попадет туда».

— Где же оно? — спросил я.

— Между Бухтармой и Китаем, широкое⁸ место такое.

— А был ли кто там?

— Говорят, Соколиха туда попала. Звали ее Зиновья Харитоновна Соколова, а за характер прозвали Соколихой. Жила она в Бузулаевой (маленькая, ныне не существующая деревенька между Мультой и Верхним Уймоном.— С. С.). Немолодая уже женщина, лет 50 ей тогда было. Муж у нее умер. С ней поехали ее ребята — парни лет 15—17. Говорили потом, что присылала она оттуда письмо, да адрес свой не указала.

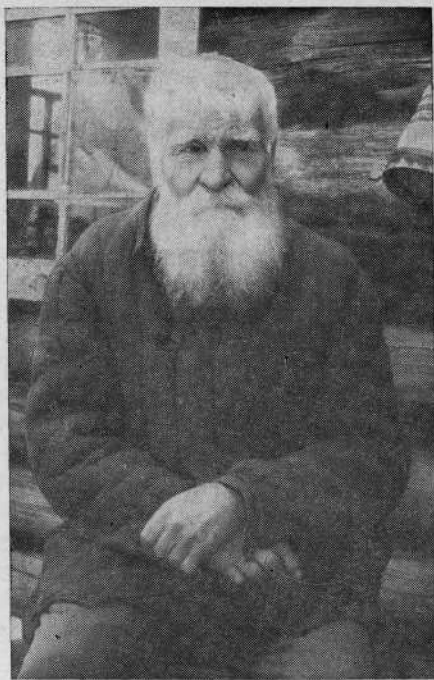

Рис. 1. И. Г. Горохов — один из последних рассказчиков о Беловодье

⁶ Печенье из кислого теста, обычно в форме кольца.

⁷ На поиски Беловодья чаще всего уходили из долины р. Бухтармы, находящейся M2L территории нынешней Восточно-Казахстанской области Казахской ССР.

⁸ Широкое, просторное место.

О Соколихе и о письме, в котором она будто бы писала своим родственникам, что святого места они еще не нашли, но надеются найти его, упоминает в своем дневнике и Н. К. Рерих. Эти последние могикане Беловодья ушли на его поиск, по словам художника, лет за шесть да прибытия рериховской экспедиции в Верхний Уймон, т. е. примерно в 1920 г.⁹ Бочкарева же назвала более раннее время — 1915—1916 гг.

* * *

Н. К. Рерих попал на Алтай во время своей Центральнoазиатской экспедиции. Помимо чисто художественных задач (а Н. К. Рерих привез из экспедиции сотни полотен, открывших зрителям дотоле неведомый им мир Центральной Азии), она имела и научные цели, связанные в первую очередь с исследованием многовековой культуры народов этой, тогда сравнительно мало известной части Азии. И со своей научной задачей экспедиция, как известно, справилась блестяще.

Отправившись в 1925 г. из западной Индии, Н. К. Рерих и другие сотрудники экспедиции прошли через высочайшие гималайские перевалы в Синьцзян. Где они провели беспокойную зиму и в конце мая 1926 г. после двухмесячного пути подошли к границе СССР. Перейдя ее в районе оз. Зайсан, Николай Константинович и его спутники¹⁰ добрались по Иртышу в Омск, а оттуда выехали в Москву. Здесь Н. К. Рерих встретился с художниками, учеными, наркологами Г. В. Чичериным и А. В. Луначарским. Получив их одобрение и поддержку успешно начатой экспедиции, Рерих продолжил ее. В июле семья Рерихов и другие участники экспедиции были уже в Новосибирске. Отсюда, перед тем как отправиться дальше через Монголию и Тибет в Индию, совершили поездку на Алтай. Конечным ее пунктом стало старейшее русское село в Горном Алтае — Верхний Уймон, которое уже не раз упоминалось в статье. Село это, основанное старообрядцами с Бухтармы, по-видимому, в самом конце XVIII в., занимает, как мы помним, особое место в легенде о Беловодье. Именно сюда после странствий по городам и весям России приводит «Путешественник» всех желающих попасть в счастливую страну.

Случайно ли оба маршрута — «Путешественника» и рериховской экспедиции — были нацелены на одно и то же село? Мне кажется, что не случайно. Скорее всего именно беловодская легенда привела в Верхний Уймон экспедицию знаменитого художника. Правда, прямых свидетельств о знакомстве Н. К. Рериха с этой легендой до поездки на Алтай у нас нет. Однако, помня о давнем интересе художника к этому горному краю и знакомстве с людьми, не только бывавшими там, но и писавшими о беловодской легенде, можно со значительной долей вероятности предположить, что хотя бы в общих чертах он имел представление о ней и раньше. Прежде всего он мог узнать о легенде из работ Н. М. Пржевальского и Г. Н. Потанина.

Н. М. Пржевальский, оказавший большое влияние на художника, во время своих путешествий узнал о пребывании в начале 1860-х годов русских староверов на оз. Лоб-Нор. По его словам, «о них рассказывали... лица, видевшие собственными глазами пришельцев, явившихся в эту глушь Азии, вероятно искать обетованную страну „Беловодье“». Через год поселение, основанное старообрядцами, было по приказу китайских властей разорено, а его жители разбежались¹².

⁹ Рерих Н. К. Алтай — Гималаи. М.: Мысль, 1974, с. 241; *его же*. Сердце Азии. — В кн.: Рерих Н. К. Избранное. М.: Советская Россия, 1979, с. 176.

¹⁰ Постоянными сотрудниками экспедиции на протяжении всего времени ее работы кроме Николая Константиновича была его жена Елена Ивановна и старший сын Юрий, впоследствии известный востоковед. О рериховской экспедиции кроме книг Н. К. Рериха «Алтай — Гималаи» и «Сердце Азии» можно узнать также из дневника Ю. Н. Рериха — *ом: Рерих Ю. Н. Тропами срединной Азии*. Хабаровск, 1982.

¹¹ Пржевальский Н. М. От Кульджи за Тянь-Шань и на Лоб-Нор. СПб, 1878, с. 33.

¹² Пржевальский Н. М. Четвертое путешествие в Центральной Азии. От Кяхты на истоки Желтой реки. Исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. СПб., 1888, с. 317—319.

С. Г. Н. Потаниным, изучавшим беловодскую легенду еще в 60-е годы прошлого века¹³, Н. К. Рерих был знаком. Видимо, он не раз слышал рассказы известного путешественника, если в книге «Сердце Азии» писал, что от В. В. Радлова, бывшего в то время директором Музея антропологии и этнографии Академии наук, или от Потанина узнал «сказочку, вывезенную откуда-то из глубин Монголии»¹⁴.

Эти сообщения русских путешественников не могли пройти мимо внимания Н. К. Рериха, который всегда проявлял большой интерес к мотивам социальной справедливости в народном сознании.

Слова Рериха: «В некоторых сокровенных записях намечается и путь к этому месту (Беловодью. — С. С). Опять географические указания места умышленно запутаны или произнесены неправильно»¹⁵ — свидетельствуют о его знакомстве с каким-то списком «Путешественника». Не исключено, что он видел его у верхнеуимонцев.

Все сказанное позволяет предположить, что легенда о Беловодье могла привести экспедицию Рериха в Верхний Уймон. Возможно, зная эту легенду в общих чертах еще до поездки на Алтай, Рерих более подробно познакомился с ней, собираясь к алтайским старообрядцам. Это могло произойти в любом из сибирских городов — Томске, Новосибирске, Барнауле, Бийске, где он был и где, несомненно, встречался с художниками, краеведами, работниками музеев.

Л. Р. Цесулевич, обстоятельно изучивший алтайский этап рериховской экспедиции, главной причиной приезда художника именно в Верхний Уймон считает близость этого села к Белухе — высочайшей вершине Алтая¹⁶. Конечно, увидеть эту знаменитую гору было одним из заветных желаний создателя сотен «горных» полотен. Белуха — одна из семи священных вершин Азии, и Рерих отмечает это в своем дневнике: «На Алтае на правом берегу Катуня есть гора. Ее значение уподобляется мировой горе Сумеру»¹⁷. В Верхнем Уймоне, кстати, жил Вахрамей Семенович Атаманов — известный проводник, не раз водивший по горам и к самой Белухе многих исследователей Алтая. Он стал проводником и в рериховской экспедиции. Однако, мне кажется, не желание увидеть Белуху было главной причиной приезда экспедиции именно в это село. Иначе логичнее было бы выбрать место, расположенное еще ближе к горе, например Катанду. Именно это село в 90-х годах прошлого века постоянно избирал базой своих маршрутов к Белухе самый известный исследователь Алтая — В. В. Сапожников¹⁸. В среднем течении Катуня это наиболее близкое к Белухе место. Поднявшись немного по склону горы Саптан, ближайшей к селу, можно увидеть знаменитую алтайскую вершину.

Другой причиной прибытия рериховской экспедиции именно в Верхний Уймон Л. Р. Цесулевич считает интерес к нему как к самому старому русскому селу в горах Алтая. Правда, он преувеличивает его древность — селу не больше 200 лет, а не 300, как он утверждает¹⁹. Старо-

¹³ Потанин Г. Н. Юго-западная часть Томской губернии в этнографическом отношении. — Этнографический сборник, издаваемый Русским географическим обществом, в. VI. СПб., 1864, с. 150—151.

¹⁴ Рерих Н. К. Сердце Азии, с. 132.

¹⁵ Там же, с. 175.

¹⁶ Цесулевич Л. Р. На Алтае. — В кн.: Н. К. Рерих. Жизнь и творчество. Сборник статей. М.: Изобразительное искусство, 1978, с. 172—173.

¹⁷ Рерих Н. К. Алтай — Гималаи, с. 247.

¹⁸ Сапожников В. В. По Русскому и Монгольскому Алтаю. М., 1947, с. 78, 114, 136.

¹⁹ Цесулевич Л. Р. Указ. раб., с. 172—173. Верхнеуимонские старики рассказывают, что их предки «забежали» на Катунь еще при Екатерине. Пришли они сюда, по словам некоторых, с Бухтармы по течению Аргута. Последнее подтверждают и расспросы, принятые в свое время Н. Н. Покровским. — См. Покровский Н. Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск: Наука, 1974, с. 335. Судя по тому, что старики из коренных уимонских фамилий — Атамановы и Бочкаревы — насчитывают не менее шести поколений, начиная от первых из своих предков, пришедших в Уймонскую долину, появление здесь русских крестьян относится к 70—80-м годам XVIII в. Т. С. Мамсик предполагает, что поселение русских в Уймоне связано с разногласиями среди бухтарминцев по поводу возвращения в состав России. Часть из них, по ее мнению, не захотела подчиниться и ушла дальше в горы, в том числе и в

обрядческое село в далеких горах с многочисленными приметами русской старины, давно увлекавшей художника, должно было привлечь Николая Константиновича и других участников экспедиции богатыми возможностями для художественной работы и для этнографических и фольклорных изысканий.

Легенда о Беловодье жила тогда еще в памяти очень многих. З. Г. Фосдик, сопровождавшая вместе со своим мужем семью Рерихов в поездке по Алтаю, вспоминая о пребывании в селе, пишет: «Все говорят о Беловодье. Можно подумать, что чуть ли не со всего мира стекаются на Алтай те, кто мечтает туда попасть»²⁰. Записям этой легенды Рерих придавал большое значение. З. Г. Фосдик вспоминает, что Николай Константинович вместе с ее мужем М. М. Лихтманом собирали «сказания о Беловодье, о которых много слышались от Вахрамеев Семеновича Атаманова, ...а также от местных рассказчиков»²¹.

Легенда о Беловодье и страстные поиски этой обетованной страны, во время которых иные из искателей, возможно, доходили до Тибета и Гималаев, должны были привлечь Рериха реальным воплощением его любимой мысли о давних связях России и русских людей с Востоком. Эта же мысль отразилась и в необычном подходе художника к беловодской легенде, на которую он тоже посмотрел как бы с Востока. Если все исследовавшие легенду ученые рассматривают ее возникновение и дальнейшую историю только в контексте русской крестьянской старообрядческой идеологии, то Рерих сделал попытку увязать ее возникновение с миром центральноазиатской культуры и сблизил Беловодье с легендарной страной буддистов Шамбалой²². Легенда о Шамбале поразила его еще во время путешествия по Сиккиму, предшествовавшему Центральноазиатской экспедиции, а затем уже во время этой экспедиции, в западных Гималаях. В то время Восток был полон ожидания скорого прихода эпохи всеобщего равенства и счастья, который связывался с этой таинственной, затерянной в неведомых горах страной. Предсказания о наступлении эры Шамбалы и знаменующем ее приходе Майтрейи — грядущего Будды — волновали тогда многие народы Азии. Недаром песню о Шамбале, сложенную Сухэ-Батором, распевали воины монгольской народной армии. Наступление царства Шамбалы, по буддийской легенде, будет связано с предстоящими битвами и ознаменуется особыми приметами и символами. Кстати говоря, художник часто использовал их в своих картинах, особенно в серии «Майтрейя». Один из этих знаков — красный всадник²³.

В легендах о Шамбале Рериха увлекал и символический подтекст, особенно близкий его искусству, и поиски внутреннего смысла, и мысли о счастливом будущем, в которых сложно переплелись религиозные верования, жизненные чаяния народов Азии и влияние идей, идущих из страны, давшей яркий пример переустройства жизни на новых социалистических началах. В книге «Сердце Азии», написанной по свежим впечатлениям от Центральноазиатской экспедиции, Н. К. Рерих, коротко описав маршрут, заключает первую часть словами: «Вы спросите меня: „Среди всех многообразных впечатлений и заключений какое понятие

верховья Катуня, где и основали Уймон.— Мамсик Т. С. Новые материалы об алтайских «каменщиках». — В кн.: Древнерусская рукописная книга и ее бытование в Сибири. Новосибирск: Наука, 1982, с. 253—254.

²⁰ Фосдик З. Г. Указ. раб., с. 88.

²¹ Там же, с. 85.

²² Шамбала (или Шамбхала) — от одноименного санскритского слова. См.: Мифы народов мира. Энциклопедия, т. 2. М: Советская энциклопедия, 1982, с. 639. В современной науке Шамбала рассматривается как фантастическая страна, однако некоторые исследователи полагают, что под нею подразумевается какая-то реальная местность к северу или северо-западу от Индии и Тибета. — см., например, Гумилев Л., Кузнецов Б. Шамбала в легендах и истории. — Азия и Африка сегодня, 1968, № 5. Р. Е. Пубаев пишет, что, судя по ряду публикаций, тибетская историческая традиция, возможно, и до сих пор признает Шамбалу реальной страной. — Пубаев Р. Е. «Пагсам-чжонсан» — памятник тибетской историографии XVIII века. Новосибирск: Наука, 1981, с. 252—253, примечание 2.

²³ Филиппов В. А. Серия «Майтрейя». — В кн.: Н. К. Рерих. Жизнь и творчество.

особенно явилось для меня вдохновляющим?" Без колебаний скажу вам: „Шамбала!"²⁴. Во второй части книги, озаглавленной именем легендарной страны, пересказываются легенды и беседы с людьми, верящими в ее существование, описываются приметы, якобы выдающие скорый приход ее царства, и называются явления, указывающие невидимые границы потаенной страны.

Судя по книгам «Сердце Азии» и «Алтай — Гималаи», Рерих в соответствии с интерпретацией этой легенды в центральноазиатской махаяне воспринял ее двояко. С одной стороны, он считал Шамбалу символом грядущего справедливого строя, отождествляемого им часто с Советской Россией. Не случайно Рерих постоянно подчеркивал, что по легенде Шамбала находится где-то на севере. С другой стороны, он верил в реальность Шамбалы — страны, находящейся в неведомых гималайских долинах, где процветает община «держателей» и носителей «будущего» мира. По скудным сообщениям, разбросанным в книгах художника, можно представить, как рисовалась ему эта страна. По его мнению, в практически недоступной Шамбале живут просветленные, мудрые люди, опередившие в своем развитии остальное человечество на целую эпоху. Ученые Шамбалы, имея в своем распоряжении превосходные лаборатории и библиотеки, производят исследования, результаты которых должны в будущем помочь людям и осчастливить все человечество. Рерих пишет, что во время путешествия по Гималаям он не раз беседовал с Махатмами, ушедшими в горное уединение для размышлений. Этих учителей-гуру восточная традиция издавна считает представителями Шамбалы в мире людей. Собираясь в 1926 г. в Москву, Н. К. Рерих официально объяснял свою поездку необходимостью выполнить поручения махатм. При встрече с Г. В. Чичериным художник передал советскому правительству послание махатм, опубликованное почти 40 лет спустя²⁵. Сказанного достаточно, чтобы стало ясно: Рерих придавал большое значение всему, что стояло за словом «Шамбала»²⁶.

О впечатлении, произведенном на художника этой легендой, можно судить и по его картинам. Начиная с полотен, написанных во время экспедиции по Центральной Азии, тема Шамбалы не исчезала из творчества Рериха до самой его кончины. Последнюю картину, связанную с ней, — «Весть Шамбалы» (одну из нескольких под этим названием) — он писал в 1946 г.²⁷

Что же привело Н. К. Рериха к мысли увидеть истоки беловодской легенды в буддийском сказании о Шамбале? Одним из главных аргументов для отождествления этих двух легендарных стран Рериху служит то, что легенда о Беловодье была когда-то заимствована алтайскими староверами от народов Центральной Азии и по-своему ими переосмыслена. Утверждая это, он ссылается на слова верхнеуймонцев, которые говорили ему, что о Беловодье «пошла весть от калмыков да от монголов. Первоначально они сообщили нашим дедам», и делает вывод: «Значит в основе сведений о Беловодье лежит сообщение из буддийского мира. Тот же центр учения жизни перетолкован староверами»²⁸.

Как согласуется это утверждение с исследованиями русской утопической легенды? У авторов второй половины прошлого и начала текущего столетия нет фактов о подобном пути возникновения легенды. К. В. Чистов, сделавший больше всех для ее изучения, обоснованно считает, что беловодская легенда возникла в старообрядческой среде, в

²⁴ Рерих Н. К. Сердце Азии, с. 151.

²⁵ Зарницкий С., Трофимова Л. Путь к Родине.—Международная жизнь, 1965, № 1.

²⁶ О Шамбале кроме указанных книг Н. К. Рерих написал, специальное исследование, вышедшее в Нью-Йорке в 1930 г. Об этой легендарной стране писал и Ю. Н. Рерих— см., например, его книгу «Тропами срединной Азии», с. 118—120.

²⁷ Соколовский В. В. Художественное наследие Николая Константиновича Рериха.— В кн.: Н. К. Рерих. Жизнь и творчество.

²⁸ Рерих Н. К. Алтай — Гималаи, с. 241.

первую очередь среди «бегунов»²⁹, имела свое начало и свой конец, целиком укладывающийся в рамки истории русского народного сознания. Однако, мне кажется, это не означает, что нельзя принимать всерьез высказывание Н. К. Рериха. Ведь у него речь идет о самом начальном этапе истории беловодской легенды. А он фактически ничем не документирован, хотя и приходится, по мнению исследователей, на сравнительно позднее время—последние годы XVIII — первые годы XIX в.³⁰ Это и неудивительно — ведь вся деятельность «бегунов» была настолько законспирирована, что правительство узнало о существовании этой тайной мужицкой организации лишь 70—80 лет спустя после ее возникновения. Принимая же во внимание историю общины бухтарминцев, несомненно, сыгравшей важную роль в возникновении беловодской легенды, следует признать, что высказывание Рериха может вполне согласоваться с действительностью. Ведь даже беглое знакомство с историей побегов алтайских крестьян, заводских рабочих и солдат в «камень», в долину Бухтармы и далее на восток показывает, что в этой среде с самого начала были весьма широкие контакты с народами Центральной Азии и среди них с последователями буддизма. И позднее некоторые из алтайских крестьян хорошо знали языки своих восточных соседей, в том числе монгольский и китайский³¹, а это важнейшее условие проникновения в их духовный мир. С другой стороны, постоянная ориентация на поиск вольных земель, характерная для старообрядцев Бухтармы и Уймона, должна была привести к тому, что всякое сообщение о каких-то потаенных местах жадно ловилось ими и по своему истолковывалось. Так могло случиться и с легендой о Шамбале.

Аргументом в пользу сближения Беловодья и Шамбалы является для Рериха и маршрут в легендарную страну, открытый ему уймонцами. Он отличается той же неопределенностью, что и описания зарубежной части пути в Беловодье в «Путешественнике». В книге «Сердце Азии» художник пишет: «Седобородый строгий старовер скажет вам, если станет вам другом: „Отсюда пойдешь между Иртышом и Аргунью. Трудный путь, но коли не затеряешься, то придешь к соленым озерам. Самое опасное это место. Много людей уже погибло в них. Но коли выберешь правильное время, то удастся тебе пройти эти болота. И дойдешь ты до гор Богогорше, а от них пойдет еще труднее дорога. Коли осилишь ее, придешь в Кокуши. А затем возьми путь через самый Ергор, к самой снежной стране, а за самыми высокими горами будет священная долина. Там оно и есть, самое Беловодье». Уймонцы рассказали Н. К. Рериху, что их «деды Атаманов и Артамонов тоже ходили, (в Беловодье.— С. С.). Пропадали три года и дошли до святого места. Только не было им позволено остаться там, и пришлось вернуться. Много чудес говорили они об этом месте. А еще больше чудес не позволено им было сказать»³².

По аналогии с описаниями маршрутов в Шамбалу Рерих предполагает, что географические указания легендарной страны умышленно запутаны или произнесены неправильно. Расшифровывая по-своему эти названия: Богогорше — хребет Бурхан-Будда, Кокуши — хребет Кокушили, Ергор — нагорье Чан Танг у Трансгималаев, он помещает Беловодье, как и Шамбалу, в одну из гималайских долин³³.

На первый взгляд здесь наиболее очевидное противоречие между данными Н. К. Рериха и народной традицией, отраженной в «Путешественнике» и в основывающихся на ней устных преданиях, частично записанных во время, близкое экспедиции художника³⁴. Но, может быть, это противоречие связано с тем, что речь идет о разных этапах истории одной легенды. Возможно, «Путешественник» и связанные с ним устные

²⁹ Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды XVII—XIX вв., с. 240, 249 ел.

³⁰ Чистов К. В. Легенда о Беловодье, с. 177.

³¹ Белослюдов А. К истории Беловодья. Зап. Зап.-Сибирск. отд. РГО, т. XXXVIII. Омск, 1916, с. 33.

³² Рерих Н. К. Сердце Азии, с. 175.

³³ Там же, с. 175—176.

³⁴ Бухтарминские старообрядцы. Л., 1930, с. 39—40.

рассказы отражают более ранний этап жизни легенды, а записи Рериха относятся к более позднему времени. Не исключено, что на заключительном этапе истории легенды в сознании искателей Беловодья, а тем более их потомков, с которыми в основном и беседовал художник, углубилось расхождение между когда-то возникшим представлением о нахождении легендарной страны на островах, закрепленном в «Путешественнике», и реальными поисками ее, направленными в самые разные стороны, но ни разу не приводившими к морю. Возможно, эти реальные пути поисков и переместили Беловодье с островов за высокие снежные хребты, чаще всего встававшие на пути искателей легендарной страны. Вспомним в этой связи сибирский список «Путешественника». В нем, как уже отмечалось, нет упоминаний об островном положении Беловодья. Мы уже говорили о том, что «Путешественник», видимо, не получил широкого распространения среди алтайских крестьян. Он и не был особенно им нужен. О Беловодье они были наслышаны с детства, а в поисках этой таинственной страны руководствовались не столько «Путешественником», сколько собственными догадками и опытом, часто горьким, своих предшественников или собственным.

Словом, ко времени рериховских записей первоначальная идея о нахождении Беловодья на островах близ «Опояского государства» могла забыться. Не исключено, что и раньше существовали иные представления о местонахождении этой чудесной страны, чем те, которые мы находим в «Путешественнике». Но поскольку устные рассказы о Беловодье и сохранились хуже, и менее известны, то письменный памятник получил приоритет в исследованиях интересующей нас легенды.

В пользу рериховской гипотезы могу сослаться и на собственные расспросы старожилов Уймонской долины. Ни один из тех, кто еще помнил рассказы о Беловодье, не считал, что оно находился на островах в море. Наоборот, все уверяли, что искали его где-то в горах, хотя эти горы были, может быть, и не так далеки, как предполагал Рерих. Так, например, Ф. С. Бочкарева, на слова которой я уже ссылался, говорила, что Беловодье находится где-то между Бухтармой и Китаем, И действительно, все известные нам факты свидетельствуют, что в этом районе бродило наибольшее число искателей легендарной страны. Правда, с другой стороны, Н. Н. Покровский, слышавший легенду от старообрядцев верховьев Енисея³⁵, где она, по его мнению, сохранилась лучше всего, пишет, что и в конце 60-х — начале 70-х годов нашего столетия рассказчики упоминали об островном положении Беловодья. Точности ради надо отметить, что, по словам автора, ему была поведена явно фантастическая история о посещении Беловодья самим информатором³⁶.

В какой-то мере гипотезу Н. К. Рериха подтверждает и то обстоятельство, что искатели Беловодья знали об Индии. Это видно, например, из рассказа бухтарминца Ассона Зырянова о путешествии 1861—1862 гг.³⁷ В 1807 г. томский купец Мефодий Шумилов доносил правительству об «обитающих в смежности Индии и Китая (т. е. где-то в районе Тибета и Гималаев.— С. С.)... Российских жителей не менее 200 тыс. человек»³⁸. Донесение позволяет предположить, что в указанном горном районе жила какая-то группа старообрядцев. Это тоже могло как-то отразиться в памяти алтайских крестьян. О попытках искать Беловодье в Афганистане и даже в Индии рассказывали бухтарминские старики в 1927 г.³⁹

³⁵ Русские села в верховьях Енисея (в Тувинской АССР), о которых упоминает Н. Н. Покровский, в значительной мере заселены выходцами из Уймонской и Бухтарминской долин. Переселенцев привлекли туда слухи о больших земельных просторах, богатых охотничьих и рыболовных угодьях. Переселение, по словам старожилов, продолжалось ряд десятилетий, начиная с 70—80-х годов прошлого века до 20-х годов нынешнего.

³⁶ Покровский Н. Н. Указ. раб., с. 335—336.

³⁷ Белослюдов А. Указ. раб., с. 33.

³⁸ Клибанов А. И. Указ. раб., с. 223.

³⁹ Бухтарминские старообрядцы, с. 38.

Помимо мысли о заимствовании беловодской легенды от буддистов; и отождествлении представлений о местонахождении двух легендарных стран — Шамбалы и Беловодья — Рерих в качестве аргумента в пользу сближения последних приводит и некоторые другие представления об обетованной стране старообрядцев Уймонской долины. Так, в книге «Сердце Азии», где беловодская легенда освещена несколько шире, чем в книге «Алтай — Гималаи», о Беловодье говорится следующее: «В далеких странах, за великими озерами, за горами высокими, там находится священное место, где процветает справедливость. Там живет высшее знание и высшая мудрость на спасение всего будущего человечества. Зовется это место „Беловодье“»⁴⁰.

На первый план, как видим, выдвинута этическая и духовно-просветительская миссия Беловодья, призванного спасти в будущем все человечество. Если этическая сторона, представление о царящих в чудесной стране правде и справедливости близки народной традиции, отраженной как в «Путешественнике», так и в сознании искателей Беловодья, то характеристика его как царства высшего знания и мудрости, призванного спасти в будущем мир, кажется, не имеет соответствия в сознании русских крестьян-старообрядцев XIX — начала XX в. Во всяком случае, К. В. Чистов, обстоятельно рассмотревший представления о Беловодье, ничего не пишет об этом. Вполне возможно, что это вольный пересказ Рерихом слов уймонских крестьян. Названная функция легендарной страны наиболее близка представлениям о Шамбале, отраженным в цитированных книгах художника.

С легендами о Шамбале и Беловодье Рерих связал и ряд других преданий, бытовавших в то время на Алтае. Среди них русская легенда о Чуди и алтайская о приходе Ойрота — вестника Белого Бурхана, которого художник отождествил с Буддой. Так, в легенде о Чуди, и сейчас широко известной уймонским крестьянам, Рериха привлек рассказ об уходе какого-то неведомого народа под землю и его будущем возвращении. Вот как передает эту легенду автор книги «Сердце Азии». «Старик ведет нас на каменистый холм и, указывая каменные круги древних погребений, торжественно говорит: „Вот здесь и ушла Чудь под землю. Когда Белый парь пришел Алтай воевать и как зацвела белая береза в нашем краю, так и не захотела Чудь остаться под Белым царем. Ушла Чудь под землю и завалила проходы камнями. Сами можете видеть их бывшие входы. Только не навсегда ушла Чудь. Когда вернется счастливое время и придут люди из Беловодья и дадут всему народу великую науку, тогда придет опять Чудь со всеми добытыми сокровищами“»⁴¹.

С легендами о Шамбале и Беловодье предание о Чуди сближает мотив тайных мест, подземных ходов, пещер, через которые ушли скрывшиеся, и через них же они время от времени общаются с миром. Упоминание об особых проходах в эту таинственную страну встречается и в «Путешественнике»⁴² и в пересказе легенды о Беловодье Н. К. Рерихом. Вот что он пишет об этом пути: «Через Ергор по особому ходу. А кто пути не знает, тот пропадет в озерах или в голодной степи. Бывает, что и беловодские люди выходят. На конях по особым ходам по Ергору. Или было, что женщина беловодская вышла давно уже. Ростом высокая. Станом тонкая. Лицом темнее, чем наши. Одета в долгую рубаху, как бы в сарафан»⁴³.

Эти мотивы, общие для названных легенд, Рерих считает отражением эпохи великих переселений в исторической памяти народов. «В пределах Алтая, — пишет он, — можно также слышать очень значительные легенды, связанные с какими-то неясными воспоминаниями о давно прошедших здесь племенах»⁴⁴.

⁴⁰ Рерих Н. К. Сердце Азии, с. 175.

⁴¹ Там же, с. 177.

⁴² Чистов К. В. Легенда о Беловодье, с. 136, 139.

⁴³ Рерих Н. К. Алтай — Гималаи, с. 240—241.

⁴⁴ Рерих Н. К. Сердце Азии, с. 124.

Вообще Николая Константиновича очень занимало соотношение легенд, преданий и исторической реальности. Он не раз говорил, что «все легенды от были»⁴⁵ и что в «оберегаемых и сохраняемых преданиях вы можете узнать реальность прошлого. В каждой искре фольклора есть капля Истины, приукрашенной или искаженной»⁴⁶.

Переплетением реальности и легенды становилась часто жизнь и самого знаменитого художника, ученого и путешественника. Разве не фантастическим было для алтайских крестьян прибытие его экспедиции из далекой, почти сказочной Индии? Подобное событие в жизни глухой деревни, беседы с таким своеобразным человеком, как Н. К. Рерих, его расспросы о легендарном Беловодье вполне могли породить какие-то таинственные рассказы о художнике.

В Верхнем Уймоне можно и сейчас услышать рассказы о посещении Беловодья самим Рерихом. Л. Р. Цесулевич приводит одно из таких преданий, записанное им от дочери В. О. Атаманова Агафьи. Во время пребывания Рерихов в селе она занималась их хозяйством и делилась с ними богатым запасом запомнившихся ей легенд и сказаний. Она вспоминала о семье Рерихов: «Три года по всем дорогам путешествовали. На Беловодье были. Три дня там прожили. Фотографии показывали оттуда. Василесе скатерть подарили, кому-то рубаху оттуда»⁴⁷. И мне рассказывали о посещении художником чудесной страны. Ф. С. Бочкарева, уверяя, что недостойный, несправедливый человек не попадет в Беловодье, заметила: «А вот Рерих попал туда. Один тамошний мужик дал ему адрес — будешь мол в Уймоне, заходи к Вахрамею Семеновичу Атаманову. Он как приехал, так сразу к Вахрамею Семеновичу, у него и остановился».

Возможно, здесь не только вымысел уймонцев. Что-то в этом рассказе и от слов самого Рериха, в чем-то неизбежно искаженных, а в чем-то и подлинных. Ведь пишет же он о поразившем его сходстве костюма жителей Ладакха (в западных Гималаях) со старым русским костюмом⁴⁸. Художник, обладая богатейшим воображением, мог передать это сходство как свидетельство давних связей русских людей с этим районом Индии. Не исключено также, что в рассказе о своем пребывании в Беловодье он мог использовать определенный психологический прием, позволявший завоевать доверие и симпатии хранителей преданий о таинственной стране. При этом можно было исходить из мысли, высказанной им по поводу легенды о Шамбале в книге «Сердце Азии»: «Если вы хотите быть поняты в Азии как желанный гость, вы должны встретить хозяев ваших самыми священными словами. Вы должны доказать, что эти понятия для вас не пустой звук, что вы цените их...»⁴⁹.

О пребывании экспедиции Рериха в Верхнем Уймоне напоминают не одни рассказы старожилов. Сохранился, хотя и был перестроен, дом, в котором когда-то жила семья Рерихов. Сейчас на нем мемориальная доска. А рядом с ним совсем недавно поднялся двухэтажный светлый сруб — музей Н. К. Рериха. На его строительстве не один отпуск проработали почитатели художника из разных городов страны. Больше всего приезжало их из новосибирского Академгородка.

Летом 1979 г. сотрудники Алтайского отряда Восточнославянской экспедиции Института этнографии АН СССР, и я в их числе, застали еще строительство музея, а прошедшей зимой я уже побывал в его просторных, теплых комнатах. Сквозь большие окна виднелись заснеженные, чуть порозовевшие от садящегося солнца отроги Катунского хребта, с трех сторон обступившие небольшое село. А вдали за Катунью по

⁴⁵ Цесулевич Л. Р. Указ. раб., с. 178—179.

⁴⁶ Цит. по: Шапошникова Л. Реальность и легенда. — Вокруг света, 1979, № 3, с. 47. Там же опубликована заметка С. Буланцева «Беловодье, Тебу, Шамбала?..»

⁴⁷ Цесулевич Л. Р. Указ. раб., с. 184.

⁴⁸ Рерих Н. К. Алтай — Гималаи, с. 85.

⁴⁹ Рерих Н. К. Сердце Азии, с. 152.

Рис. 2. Музей Н. К. Рериха в Верхнем Уймоне. На переднем плане дом, в котором в 1926 г. жила семья Рерихов

голубому зимнему небу протянулся белый-белый зубчатый гребень Теректинского хребта.

В самой большой комнате, отданной для занятий детского художественного кружка, деревенские девчонки и мальчишки увлеченно рисовали родные горы, и белые, зимние, и в зеленой шубе лесов, и долины в цветах, и Катунь, серебряной лентой убегаящую в голубую даль к Белухе.

Экспозиция еще не была готова, но молодые сотрудники музея — муж и жена Смирновы — показали мне небольшую этнографическую коллекцию, собранную ими в окрестных деревнях, — яркие бухтарминские сарафаны, опояски, горшки, старые книги. Музей пока не богат фондами, но само его существование и знак Рериха⁵⁰ над его крышей говорят, что большого художника и патриота помнят на чудесной алтайской земле.

Музей в далеких горах напоминает, что поездка в эти края имела особое значение для художника. Так случилось, что лето 1926 г. оказалось последней встречей его с Родиной и Алтай стал звеном в великой цепи гор, связавшей далекие Гималаи с Россией. Недаром же свою книгу о многолетней, трудной и счастливой экспедиции по Центру Азии художник назвал — «Алтай — Гималаи».

Алтайские впечатления и среди них легенда о Беловодье вдохновили Н. К. Рериха на создание ряда картин. Среди них искусствоведы в первую очередь называют большое полотно «Танг-Ла», или «Сказание о Шамбале». На первом плане виден человек в характерной древнерусской одежде, вдали гряда высоких прекрасных гор. Древнерусский богатырь в Гималаях воплотил мысль художника о поисках русскими людьми легендарного Беловодья, отождествляемого им с Шамбалой. Под впечатлением беловодской легенды написана в 1927 г. и картина «По Ергору едет всадник». Отражением алтайских легенд были полотна «Чудь подземная» (1927 г.), «Ойрот—вестник Белого Бурхана». Образ проводника экспедиции, лекаря-самоучки В. О. Атаманова, наваял

⁵⁰ «Знак Рериха» — три круга, символизирующие прошлое, настоящее и будущее, заключенные в четвертый, олицетворяющий вечность, — предложен художником в качестве охранного знака, своеобразного «Красного креста» учреждений и памятников культуры.

картину «Пантелеймон-целитель». Алтайскими мотивами вызвано к жизни и полотно «Сосуд нерасплесканный», начатое в Верхнем Уймоне, и некоторые другие работы художника⁵¹.

Экспедиция Рериха пробыла на Алтае меньше месяца. Но в памяти навсегда осталось: «Приветлива Катунь. Звонки синие горы. Бела Белуха. Яркие цветы и успокоительны зеленые травы и кедры». Вперед звали еще непройденные пути: «За Белухой кажется милый сердцу хребет Кунылуна, а за ним — „Гора божественной владычицы" и „Пять сокровищниц снегов", и сама „Владычица белых снегов", и все писанное и не писанное, все сказанное и не сказанное.

Между Иртышом и Аргунью. Через Кокуши. Через Боготорше. По самому Ергору едет всадник...»⁵².

⁵¹ Цесулевич Л. Р. Алтай в творчестве Н. К. Рериха. — В кн.: Рериховские чтения. 1976 год, с. 68—69.

⁵² Рерих Н. К. Алтай — Гималаи, с. 247.